

ФЁРОР ГЛИНКА

ОЧЕРКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Федор Глинка

Очерки Бородинского сражения

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Глинка Ф. Н.

Очерки Бородинского сражения / Ф. Н. Глинка —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Очерки Бородинского сражения» — произведение русского поэта, писателя и публициста Федора Николаевича Глинки (1786 — 1880).***Это воспоминания о крупнейшей битве Франко-Российской войны 1812 года, в которой поэт принимал непосредственное участие. Другими известными произведениями Федора Глинки являются «Дева карельских лесов», «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», «Стихотворения», «Иов», «Вельзен, или освобожденная Голландия», «Письма русского офицера», «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия», сборник «Проза». Федор Николаевич Глинка был не только литератором, но еще и офицером и общественным деятелем, участвовал в движении декабристов. Его богатый боевой и жизненный опыт отобразился в его творчестве.

© Глинка Ф. Н.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
БОРОДИНО	5
КАРТИНА ПОЗИЦИИ	9
ВИД ПОЗИЦИИ (23 АВГУСТА)	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Федор Николаевич Глинка

ОЧЕРКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

(Воспоминания о 1812 году)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОРОДИНО

Смоленск сгорел, Смоленск уступлен неприятелю. Русские сразились еще на Волутиной горе и потом отступали, как парфы, поражая своих преследователей. Это отступление в течение 17 дней сопровождалось непрерывными боями. Не было ни одного, хотя немного выгодного места, переправы, оврага, леса, которого не ознаменовали боем. Часто такие бои, завязываясь нечаянно, продолжались по целым часам. И между тем как войско дралось, народ перекочевывал все далее в глубь России. Россия сжималась, сосредоточивалась, дралась и горела. Грустно было смотреть на наши дни, окуренные дымом, на наши ночи, окрашенные заревом пожаров. С каждым днем и для самых отдаленных мест от полей битв более и более ощутительно становилось присутствие чего-то чуждого, чего-то постороннего, не нашего. И по мере, как этот чуждый неприязненный быт в виде страшной занозы вдвигался в здоровое тело России, части, до того спокойные, воспалялись, вывихнутые члены болели и все становилось не на своем месте. Чем далее вторгались силы неприятельские, тем сообщения внутренние делались длиннее, города разьединенные; ибо надлежало производить огромные объезды, чтобы не попасть в руки неприятелю: от этого торговля теряла свое общее направление, промышленность становилась местною, стесненною, ход ежедневных занятий и дела гражданской жизни цепенели. Во многих присутственных местах закрыты были двери. Одни только церкви во все часы дня и ночи стояли отворены и полны народом, который молился, плакал и вооружался. Около этого времени сделалось известным ответное письмо митрополита Платона императору Александру. Копии с него долго ходили по рукам. Любопытно заметить, что первосвященник наш, проникнутый, без сомнения, вдохновением свыше, почти предрек судьбу Наполеона и полчищ его еще прежде перехода неприятельского за Днепр. Он писал: «Покусится враг простереть оружие свое за Днепр, и этот фараон погрязнет здесь с полчищем своим, яко в Чермном море. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести третью новую реку: реку крови человеческой!» И в самом деле, кровь и пожары дымились на длинном пути вторжения. Французы, в полном смысле, шли по пеплу наших сел, которых жители исчезали пред ними, как тени ночные. Обозы, длинные, пестрые, напоминавшие восточные караваны, избирали для себя пути, параллельные большой столбовой дороге, и тянулись часто в виду обеих армий. Дорогобуж, Вязьма и Гжать уступлены без боя. Если огни в полях, курение дыма и шум от шествия ратей недостаточны были навевать на людей той годины важные и таинственные мысли о временах апокалипсических, то всеобщее переставление лиц и вещей – переставление гражданского мира – должно было непременно к тому способствовать. Неаполь, Италия и Польша очутились среди России! Люди, которых колыбель освещалась заревом Везувия, которые читали великую судьбу Рима на древних его развалинах, и, наконец, более сродственные нам люди с берегов Вислы, Варты и Немана шли, тянулись по нашей столбовой дороге в Москву, ночевали в наших русских избах, грелись нашими объемистыми русскими печами, из которых так искусно и проворно умели делать каминные для Наполеона, превращая избу, часто курную, в кабинет императорский, наскоро приборанный. И в этом кабинете, у этого скоро-

дельного камина (особливо в эпоху возвратного пути из Москвы) сиживал он, предводитель народов, с видом спокойным, но с челом поникшим, упершись концами ног в испод камина, в шубе, покрытой зеленым бархатом, подбитой соболем. Так сиживал он перед красным огнем из березовых и смольчатых русских дров, этот незванный гость, скрестя руки на грудь, без дела, но не без дум! Стальные рощи штыков вырастали около места его постоя, рати облегали бивак императорский, и рати мыслей громоздились в голове его! Было время, когда князь Экмюльский помещался в селе Покровском: какое стечение имен Экмюля с Покровским! – Всеобщее перемещение мест, сближение отдаленностей не показывало ли какого-то смешения языков, какого-то особенного времени.

Солдаты наши желали, просили боя! Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим бороды наших отцов! пора драться!» Узнав о счастливом соединении всех корпусов, они объяснялись по-своему: вытягивая руку и разгибая ладонь с разделенными пальцами, «прежде мы были так! (т. е. корпуса в армии, как пальцы на руке, были разделены) теперь мы, – говорили они, сжимая пальцы и свертывая ладонь в кулак, – вот так! так пора же (замахиваясь дюжим кулаком), так пора же дать французу раза: вот этак!» – Это сравнение разных эпох нашей армии с распростертою рукою и свернутым кулаком было очень по-русски, по крайней мере очень по-солдатски и весьма у места.

Мудрая воздержность Барклая-де-Толли не могла быть оценена в то время. Его война отступательная была, собственно, – война завлекательная. Но общий голос армии требовал иного. Этот голос, мужественный, громкий, встретился с другим, еще более громким, более возвышенным, с голосом России. Народ видел наши войска, стройные, могучие, видел вооружение огромное, государя твердого, готового всем жертвовать за целость, за честь своей империи, видел все это – и тайне чувствовал, что (хотя было все) недоставало еще кого-то – недоставало полководца русского. Зато переезд Кутузова из С.-Петербурга к армии походил на какое-то торжественное шествие. Предания того времени передают нам великую пиитическую повесть о беспредельном сочувствии, пробужденном в народе высочайшим назначением Михаила Ларионовича в звание главноначальствующего армии. Жители городов, оставляя все дела расчета и торга, выходили на большую дорогу, где мчалась безостановочно почтовая карета, которой все малейшие приметы заранее известны были всякому. Почетнейшие граждане выносили хлеб-соль; духовенство напутствовало предводителя армий молитвами; окольные монастыри высылали к нему на дорогу иноков с иконами и благословениями от святых угодников; а народ, не находя другого средства к выражению своих простых душевных порывов, прибегал к старому, радушному обычаю – отпрягал лошадей и вез карету на себе. Жители деревень, оставляя сельские работы (ибо это была пора косы и серпа), сторожили так же под дорогою, чтобы взглянуть, поклониться и в избытке усердия поцеловать горячий след, оставленный колесом путешественника. Самовидцы рассказывали мне, что матери издалека бежали с грудными младенцами, становились на колени и, между тем как старцы кланялись седыми головами в землю, они с безотчетным воплем подымали младенцев своих вверх, как будто поручая их защите верховного воеводы! С такую огромною в него верою, окруженный славою прежних походов, прибыл Кутузов к армии. После этого нисколько не удивительно, что начетчики церковных книг и грамотей, особливо в низшем слое народа, делали различные применения к обстоятельствам того времени, переводили буквы имени Наполеона в цифры и выводили заключения, утешительные для России. Иногда следствием их выкладок, довольно затейливых, бывали слова: «Солнце познает запад свой!» Это относили к народам нашествия и Наполеону; иногда делали толкования на слова: «В те дни восстанет князь Михаил и ополчится за людей своих! (на Гога и Магога) и проч.». Можете вообразить, какую народность, какую огромную нравственную силу давало все это в то время новому главнокомандующему! Зато, как приехал (под Царево-Займище), тотчас обещал он сражение. Все ожило и жило этим великим обетом; и, наконец, 22 августа занята знаменитая позиция Бородинская. Мы опишем ее.

Наша боевая линия стала на правом берегу Колочи, лицом к Колоцкому монастырю, к стороне Смоленска; правым крылом к Москве-реке, которая в виде ленты извивается у подножия высот бородинских. Перед лицевую стороною (перед фронтом) линии, особенно перед фронтом центра и правым крылом, бежала речка Колоча в реку Москву, составляя с нею угол в полуверсте от высот бородинских. В Колочу впадают: речка Войня, ручьи – Стонец, Огник и другие безыменные. Все эти речки и ручьи имеют берега довольно высокие, и если прибавить к тому много рытвин, оврагов, по большей части лесистых, и разных весенних обрывов, промоин, то понятно будет, отчего позиция бородинская на подробном плане ее кажется бугристою, разрезанною, изрытою. Леса обложили края, частые кустарники и перелески шершавятся по всему лицевому протяжению, и две больших (старая и новая Московские) дороги перерезают позицию, как два обруча, по направлению от Смоленска к Москве. Дорога Смоленская была так же дорога во Францию, по которой пришла к нам вооруженная Европа, как будто сдвинувшись с вековых оснований своих.

Сказав, что высоты правого русского фланга были лесистые, мы добавим, что они были и утесистые, а потому и составляли оборону прочную. Левое крыло наше также довольно щедро защищено природою, если принять в этом смысле общее протяжение высот бородинских, на которых простиралось оно, впоследствии загнутое до деревни Семеновской. Впереди этого (левого) крыла тянулись и перепутывались глубокие рвы и овраги, опушенные и закрытые частыми кустарниками. Сверх того позиция русская, как мы сказали, прикрыта была: Колочею, Войнею, Огником и ручьями Стонцем и Семеновским.

Искусство поспешило придать то, чего недодала природа для защиты линии. Густой лес на правом фланге, сходивший с вершин до подножия холмов к стороне реки Москвы, был осмотрен, занят, перегорожен засеками и по местам вооружен укреплениями. В этом лесе сделаны три флеша. На лесистое и утесистое местоположение правого фланга можно было опереться надежно. В центре отличался высокий кругляк, может быть, древний насыпной курган. Через него перегибается большая Смоленская (в Москву) дорога. Это округленное возвышение носит название Горки и находится в деревне того же имени. На этом-то кругляке устроили батарею из пушек огромного калибра и заслонили ее еще другою, более скрытою, из 12 пушек, которую поставили в 200 сажнях насупротив Бородина, на расклоне высот правого берега Колочи. Идя с правого крыла к левому, вдоль по линии, в середине расстояния от Горок к Семеновскому, вы встретите высокий бугор, далеко повелевающий окрестностями. Этот бугор пришелся на самой важной точке, почти у замка левого крыла с центром. Этим воспользовались, и высота, господствовавшая над другими, увенчана большим окопом с бастионами. Иные называли его большим редутом, другие, и, кажется, правильнее, люнетом. Но солдаты между собою называли это укрепление Раевскою батареею, потому, что корпус его был пристроен к этому люнету и потому, что они любили храброго генерала, о котором так много было рассказов в то время! Из уст в уста переходила повесть о подвиге его под Дашковкою, как он, взяв двух, еще невзрослых сыновей за руки, повел их знакомить с пулями – туда, где всех троих с головы до ног окатило свинцовым дождем!

По всему видно стало, что неприятель направит сильнейшие нападения свои на наше левое крыло: для того-то и обратили все внимание на эту часть линии.

У деревни Семеновской нашлась также выгодная высота; на расклоне ее построили три реданта: их называли и флешами. Эти окопы должны были обстреливать окрестное пространство и поддерживать войска, которые, в свою очередь, поддерживали стрелков, насыпанных в лесах и перелесках перед фронтом и левым крылом нашей линии. Деревня Семеновская впоследствии разорена. Так устроена, вооружена была наша боевая линия в трех основных пунктах своих. Но кипящая отвага, с которою французы привыкли кидаться вперед в их порывистых наступках, требовала еще большей предусмотрительности, большей осторожности. Чтоб удержать неприятеля в почтительном расстоянии от нашего левого крыла, куда он нацеливал

все удары, насыпали большой редут на большом и высоком холме, почти на два пушечных выстрела впереди главной линии к левой ее оконечности. Этот редут, стоявший исполином на отводной страже, устроен был саженьх во ста за деревнею Шевардино и назывался Шевардинским. Если пожелаете объяснить себе сделанное здесь описание взглядом на плане, то прежде всего отметьте карандашом село Бородино, принадлежавшее тогда гг. Давыдовым, в 10 верстах от Колоцкого монастыря, на 11-й не доходя Можайска, в 111-ти от Москвы. Теперь имеет оно счастье принадлежать порфирородному владельцу – государю цесаревичу. За Бородиным, правее от кургана Горецкого, приищите и подчеркните на большой Московской дороге селение Татариново: там была главная квартира Кутузова. Заметьте там же деревню Князьково. Окружив потом внимательным взглядом наше правое крыло, вы встретите Старое, Малое, Беззубово, Логиново, Новое, Захарьино и, наконец, в лесу, где были окопы, Маслово. Заметьте пока эти селения и перенеситесь по линии к левому нашему крылу. Здесь встретите вы (после Бородина) другую, также роковую точку, деревню Семеновскую. За нею, ближе к Татаринovu, заметите Псаревu с прилежащим к нему лесом. Там стоял наш главный артиллерийский резерв. Насупротив Семеновского приметьте деревни: Алексеевку, Фомкино, Доронино и, наконец, Шевардино, знаменитое битвою за редут его имени. Левее от этой купы деревень найдете вы Валуево: тут стоял Наполеон. Деревни Ратово и Головино принадлежат к той же категории. Потом перенеситесь к Ельне, следуйте по лесной дороге и в одном месте чрез болото к деревне Утице: это путь Понятовского, остановившегося сперва при деревне Рыкачеве и оттуда следовавшего по так называемой старой Смоленской дороге, которая из Царева-Займища идет чрез Ельню в Можайск. За Можайском связываются обе дороги: старая и новая Смоленская. Туда намеревался Кутузов перевести войско, если б французы стали решительно обходить наше левое крыло. Наполеон угадывал это и хотел разбить нас там, где застал. Поэтому-то не послушался он и Даву, советовавшего послать заранее два корпуса в обход по старой Смоленской дороге. Отметки деревень, на которые я вам указал, будут вам полезны при чтении описания битвы Бородинской в составленных мною очерках.

КАРТИНА ПОЗИЦИИ

Описав позицию нашу в историческом смысле, взглянем на нее, как на картину, издали почти неподвижную, грозно воинственную, вблизи живую, движущуюся. Взглянем – разумеется, более мысленными глазами, ибо обыкновенное зрение, даже вооруженное трубою, не может обнять всей позиции; взглянем на этот город, мгновенно возникший на месте жатв и селений: его дома – шалаши из ветвей и соломы; его длинные улицы протянуты между длинными стальными заборами из ружей и штыков; его площади уставлены молчаливо-грозною артиллериею. Ночью он весь, кажется, слит из стали и огней, потому что огни биваков, повсеместно разведенные, отражаются на стволах ружей, на гранях и лезвиях штыков.

Поставьте себя на одной из высот, не входя в Бородино, где-нибудь на большой Смоленской дороге, лицом к Москве, и посмотрите, что делается за Бородиным, за Колочеею, за Войнею, за этими ручьями с именем и без имени, за этими оврагами, крутизнами и ямищами. Примечаете ли вы, что поле Бородинское – теперь поле достопамятное – силится рассказать вам какую-то легенду заветную, давнее предание? О каком-то великом событии сохранило оно память в именах урочищ своих. Войня, Колоча, Огник, Стонец, не ясно ли говорят вам, что и прежде здесь люди воевали, колотились, палили и стонали? Но когда ж было это прежде? сколько столетий наслоилося над этим событием? Может быть (и вероятно), что оно современно той отдаленной эпохе, когда курганы Горецкий, Шевардинский и другие, встречаемые в каком-то симметрическом порядке в этих Окрестностях, были холмами священными, на которых совершались тризны. Народы, утомленные видом зачахшей гражданственности... , ведомые тайным влечением судьбы, покорно следовали за путеводною звездою и текли с дальнего Востока – колыбели рода человеческого – с семенами жизни на девственную почву нашего севера, тогда еще пустынного, задернутого завесою неизвестности. На путях их великого шествия остались городища и курганы, на которых возжигали огни и сожигали жертвы. Но когда ж все это было? Человек моложе истории, история моложе событий этого разряда!

Обратимся к нашей позиции. Прежде всего встретите вы большой, высокий кругляк, называемый Горкою. С этого кругляка – кургана Горецкого – одного из роковых холмов бородинских, вся позиция видна как на ладони! Наша линия шла справа от села Нового за деревню Семеновское. Позиция неприятельская тянулась от села Беззубова за Шевардино. На этом кургане, о котором мы начали говорить, вы видите – мелькает деревенька Горки, удостоившаяся даже на несколько часов быть главною квартирою армии и самого Кутузова. Но вы скоро ее не увидите: война все сносит и перемещает. Вот уже взвоят на курган артиллерию: это не так легко, потому что здесь стараются сосредоточить орудия огромного калибра. По мере, как военный быт покрывает своими принадлежностями высоту Горки, солдаты, вы видите, раскрывают крестьянские лачуги и растаскивают бревна. Это точно работа муравьев! Толпа разноундирных кишит, шевелится, торопится; всякий унес, что попало, и деревни не стало! Все пошло в огонь на биваки.

Я забыл сказать, что вы приглашены посмотреть на нашу бородинскую позицию 23 августа. Но ее заняли 22-го. Точно так! Я расскажу вам об этом дне. 22 августа 1812 года армия русская увидела высоты бородинские, и много голосов раздалось в войске: «Здесь остановимся! Здесь будем драться!» Заключение неошибочное! Оно внушено видом высот и стечением речек, ручьев и оврагов у подножия цепи возвышенностей. Тогда же промчалась молва в войске, что Кутузов нарочно посылал вперед Бенигсена отыскать крепкое место, где бы можно было стать и отстоять Москву. Бенигсен, как говорили, избрал Бородино, и Кутузов остался доволен его выбором. Около 10 часов утра (22 августа) передовые полки и на челе их¹ Миха-

¹ Здесь: во главе. (Прим. ред.)

ило Ларионович с своим штабом прошли Бородино, приостановились на минуту в деревеньке Горки, и главный штаб пошел далее. На большой Московской дороге есть сельцо Татариново. Там стоял уже пустырем сельский господский дом: там поместили Кутузова; Барклай, Бенигсен, принц Виртембергский и другие генералы, люди, имевшие поместья и палаты, разместились в окружающих деревеньках и домах, кто как смог, кому где случилось.

Генерал Бенигсен и полковник Толь, большой знаток своего дела, тотчас пустились помогать природе искусством, укреплять позицию. По доверенности, которую пользовался от высшего начальства и по внутреннему своему достоинству, полковник Толь был далеко выше своего чина. В то время, о котором мы говорим, он пользовался двумя славами: славою храброго офицера и ученого военного человека.

23-го, на другой день, пришло из Москвы 12000 московского ополчения. Их привел граф Марков. На этом войске было две коренных принадлежности Руси: борода и серый кафтан; третья и важнейшая принадлежность Руси христианской был крест. Он блистал на шапке ратников. С офицерами пришли русские кибитки, повозки и роспуски с колокольчиками, заводские лошади, крепостные слуги. В другое время можно бы подумать, что это помещики, съехавшиеся дружною толпою, с конюхами и доезжачими, в отъездное поле на дальнее полевание. Но тут предстояло другого рода поле! Отпустив далее в глубь России жен и детей, сестер и невест, дворянство русское, покинув дедовские поместья и собрав своих домочадцев, село на коней и выехало в поле, которое должно было сделаться полем крови, жатвою смерти! <...>

Любовь к отечеству... вызвала мирных поселян на священное ратование. Нельзя было смотреть без чувства на такой избыток доброй воли. Появление этих войск перенесло нас далеко в старые годы. Один офицер, которого записки остались ненапечатанными, говорит: «Казалось, что царь Алексей Михайлович прислал нам в секурс свое войско!» В числе молодых людей, воспитанников Московского университета, чиновников присутственных мест и дворян, детей первых сановников России, пришел в стан русских воинов молодой певец, который спел нам песнь, песнь великую, святую, песнь, которая с быстротою струи электрической перелетала из уст в уста, из сердца в сердце; песнь, которую лелеяли, которую так тешились, любовались, гордились люди XII года! Этот певец в стане русских был наш Кернер, В. А. Жуковский. Кто не знает его песни, в которой отразилась высокая поэзия Бородинского поля?» Но обратимся к обозрению нашей позиции. Помните, что мы смотрим на нее 23-го августа 1812 года.

ВИД ПОЗИЦИИ (23 АВГУСТА)

Видите ли вы правый фланг нашей армии? Как он высоко поднят над долиною! Цепь холмов служит ему основанием. Частый лес в виде зеленого ковра накинут на эти холмы и свешивается вниз до самого их подножия, где серебрится Москва. Этот лес, перегороженный засеками, таит в себе укрепления. Высок и крут наш правый берег, и везде, до деревушки Горки, повелевает противным, принизистым. Фронт наш прикрыт (если можно это счесть за прикрытие) речкою Колочеею. Но мы, по какому-то предчувствию, любопытствуем обзреть скорее левое крыло. Видите ли вы эту массу деревьев, которые огромным зеленым султаном колыхаются за нашим левым флангом? Это густой лес, торчащий на рассеянных холмах и спускающийся в низину. Под тенью этого леса виднеются, в правильных линиях, еще свежие насыпи: это вырастающие ретраншементы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.